

Михаил
ЧУЛИЦКИЙ
◆
ПРЕЛЕСТНАЯ
ЖЕНЩИНА
Записки
судебного
следователя

18+

Преступление / Наказание

Михаил Чулицкий

**Прелестная женщина: Записки
судебного следователя**

«Азбука»

УДК 343(091)(47)

ББК 67.3(2)

Чулицкий М. Ф.

Прелестная женщина: Записки судебного следователя /
М. Ф. Чулицкий — «Азбука», — (Преступление / Наказание)

ISBN 978-5-389-33198-3

Двадцать четыре уголовных рассказа». Эти «уголовные рассказы» – легко и остроумно написанные детективные новеллы – были основаны на реальных делах Санкт-Петербургской сыскной полиции начала XX века. Их автором, не понаслышке знакомым с криминальной жизнью Петербурга того времени, был не кто иной, как Михаил Фролович Чулицкий (1840–1921), начальник уголовной сыскной полиции. «Наблюдая разнообразнейшие личности преступников, между которыми встречаются и выдающиеся характеры, я нередко поражался той сложностью и неуловимой своеобразностью сочетания самых разнородных влияний, которые складываются в их роковую судьбу и выбрасывают их из общества». Так начинается авторское предисловие к этому сборнику непридуманных детективных историй, которые и в наши дни найдут, чем удивить искушенного любителя жанра: жизнь подчас придумывает сюжеты, которым позавидует самый изощренный писательский ум.

УДК 343(091)(47)

ББК 67.3(2)

ISBN 978-5-389-33198-3

© Чулицкий М. Ф.

© Азбука

Содержание

Прелестная женщина	7
Предисловие	7
Прелестная женщина	8
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Михаил Фролович Чулицкий
Прелестная женщина: Записки
судебного следователя

© Оформление

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

Михаил
ЧУЛИЦКИЙ

ПРЕЛЕСТНАЯ
ЖЕНЩИНА

Записки
судебного
следователя

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Прелестная женщина

Предисловие

Наблюдая разнообразнейшие личности преступников, между которыми встречаются и выдающиеся характеры, я нередко поражался той сложностью и неуловимой своеобразностью сочетания самых разнородных влияний, которые складываются в их роковую судьбу и выбрасывают их из общества.

Необычные, иногда фантастически странные их личные свойства как-то гармонически сочетаются непременно с исключительными внешними обстоятельствами для того, чтобы в результате дать преступление, в котором иногда не разберешь, виновником или жертвой является преступник, злодеем или страдальцем.

Не задаваясь целью на основании собственных наблюдений способствовать к разрешению многосложных вопросов науки о преступности, я смотрю на предлагаемые заметки только как на отрывочный материал для ознакомления с типами тех людей, которые, будучи всегда верным отражением своего времени и своего общества, являются вместе с тем величайшим его несчастьем. Предлагаемые наброски из этой области представляют собою ряд частных случаев, показавшихся мне характерными.

Автор

Прелестная женщина

А кто, скажите мне, виной ее разврата?

В. Гюго

1

У нее было твердо сложившееся мнение, что каждый мужчина смотрит на женщину исключительно с животной точки зрения: стоит только женщине поманить – и он будет у ее ног. Может быть, он будет упоминать кое-что о нравственности, о долге супружества, о связывающей его с другой женщиной любви и тому подобное, но все эти, по ее мнению, неискренние фразы, произносимые с целью или не уронить себя сразу в глазах женщины, или убедить во внезапно вспыхнувшем будто бы взаимном чувстве, бывают очень коротки. Она находила, что только трусы или глупцы могут поступать иначе.

Такому убеждению ее много способствовали сами же мужчины. Те из них, с которыми ей пришлось встретиться в жизни, смотрели на нее исключительно как на самку, да так и вели себя с нею.

О себе она была самого преувеличенного мнения и называла себя не иначе как *прелестной женщиной*. Она была маленького роста, ее плоское, с широкоразвитыми скулами лицо было покрыто веснушками, но она была уверена, что красота ее необычайна и что каждый мужчина, с которым ей вздумалось бы или пришлось заговорить, неудержимо должен в нее влюбиться.

Она считала себя и ученой, но вообще уму и образованию не придавала большого значения. Красота ведь побеждает ум, а образование для женщины излишне. Излишним она его считала главным образом потому, что сама не получила никакого образования. Впрочем, последнее обстоятельство она тщательно скрывала и говорила, что получила блестящее образование и по происхождению она чуть ли не княжеского рода. Достаточно было поговорить с ней десять минут, и каждому ясно становилось, что она говорит неправду о своем образовании, но она этого не замечала. С продолжением разговора шла *crescendo*¹ и ложь. Вообще, ложь всосалась в ее плоть и кровь – это было основное ее качество.

Если она замечала недоверие к своим словам, то возмущалась и горячилась. По природе она была очень вспыльчива и, кроме того, умела, если считала это нужным, сама себя, так сказать, взвинчивать. Если ей противоречили и не соглашались в простом разговоре, она кричала и могла подражаться; если же не уступали и на деле, она бросалась на пол, рвала волосы, плакала и истерически смеялась, а затем могла впасть и в настоящий обморок. Иногда припадки бешенства, которые она не считала нужным сдерживать, бывали так велики, что она в состоянии была убить и себя, и других.

Родилась она в одном из южных городов России, в еврейской семье. Отец ее сначала пользовался сравнительно хорошим достатком, так как владел пятью кабаками, но потом разорился на разных гешефтах. Хотя она, как старшая дочь, и была подготовлена к приемному экзамену в гимназию, но платить за учение уже не было средств, и она навсегда лишилась возможности получить образование. В простой еврейской семье, в которой родители только и мечтали о гешефтах, о воспитании детей, конечно, никто не думал. Целые дни проводила она на улице и в городском саду, с завистью глядя на женские наряды.

¹ Нарастая (*ит.*). Музыкальный термин, обозначающий постепенное увеличение силы звука. – *Здесь и далее примеч. ред.*

Четырнадцать лет она считала высшим благом в жизни наряды и недостижимым блаженством – принадлежность к тому обществу, в котором так хорошо наряжаются. Постоянно встречаясь в саду с гимназистами и гимназистками, она подыскивала разные предлоги, чтобы заговорить с ними, всегда была готова оказать услугу, лишь бы познакомиться.

Вскоре у нее образовался большой круг знакомых среди гимназической молодежи. Юркая, миловидная, с красивыми глазами, кокетливая и не по летам развитая физически, хотя и маленького роста, она привлекала к себе юных гимназистов, которые упрашивали сестер приглашать ее к себе в гости.

Родителям ее не нравилось, что она бывает в домах христиан. Они старались доказать, что она никогда не будет считаться членом того общества, в которое ее так неудержимо влечет; но она привыкла поступать по своему усмотрению и не слушала этих увещаний, продолжая заводить новые знакомства. Когда же родители, пригрозив наказанием, запретили ей посещать дома христиан, она стала скрывать об этих посещениях.

Когда ей минуло семнадцать лет, старавшаяся все время *развивать ее* гимназическая молодежь убедила ее наконец принять христианство. Она должна была покинуть родительский дом, но в ее судьбе приняло участие состоятельное сановное лицо, которое согласилось быть восприемником.

О ней стал говорить весь город. Не понимая, что она является лишь новостью дня, что через неделю о ней забудут, она возмечтала о себе, стала думать, что собственно ее личность возбуждает всеобщий интерес, и с этих пор у нее складывается убеждение, что она представляет собой тип всепобеждающей красоты, пройти мимо которой, не заметив и не преклонившись, невозможно.

Скоро, однако, она должна была немного разочароваться в могуществе своей красоты. После принятия на лоно христианской церкви влиятельное лицо выдало ей известную сумму и попросило больше к нему с просьбами не обращаться. Интерес дня прошел, и о ней стали постепенно забывать. Если она начинала говорить о себе, ее выслушивали со снисходительной улыбкой и рекомендовали найти себе какие-нибудь занятия, которых, однако, не давали.

Она решила, что к ней стали относиться недружелюбно вследствие козней ее бывших единоверцев, и, покинув родной город, уехала искать счастья в один из крупных центров на юге России.

Кипучая деятельность приморского города была ключом. Много было народа на улицах, много женщин, и всё роскошно одетых. Вот где наряды, вот где жизнь!

Затерявшейся в толпе, с небольшим запасом денег в кармане, ей, однако, было далеко не до роскоши. Первые дни она все ходила по городу и лихорадочно горевшими глазами пожирала толпу разодетых дам. Потом стала искать работы, но – увы! – не находила. С отчаяния она поступила горничной, прослужила несколько дней и получила отказ, так как оказалась белоручкой.

Наконец она решила продать себя, но продать не дешево, а так, чтобы сразу появиться в пышном костюме среди этой богато разодетой толпы женщин.

Между тем ей удалось пристроиться продавщицей в табачную лавку. Время шло, платье изнашивалось, а получаемого жалованья хватало лишь на квартиру и еду. Ни пристальные, бесперомонные взгляды, ни шуточный, легкомысленный разговор несколько месяцев не находили себе вознаграждения. Если изредка и попадались некоторые на приманку, то скоро должны были уйти ни с чем, потому что она меняла с ними обращение: по справкам это все оказывались неинтересные, малообеспеченные люди.

Наконец она дождалась человека интересного – немолодого уже, солидного, но и с состоянием тоже солидным. Они быстро стоворились, поладили, и она поселилась у него на квартире в качестве полной хозяйки.

Сначала она чувствовала себя совершенно счастливой: с утра до вечера ходила по магазинам, покупала себе наряды и все шила и шила. Но вот все костюмы готовы: не лежать же им и не дома же в них ходить. Их необходимо показать.

Пробовала она гулять бесцельно по городу, и днем и вечером, но ей казалось, что на нее мало обращают внимания. Она пожаловалась своему патрону. Тот объяснил, что особенного внимания она ожидать и не может, так как ее никто не знает. Тогда она потребовала, чтобы он, которого знает весь город, непременно гулял с ней вдвоем. Ей было отказано в этом. Она никак этого не ожидала; сначала стала говорить о любви, о жертвах, которые должны приноситься ради любви и тому подобное, а потом, заметив, что слова ее не производят должного впечатления, внезапно зарыдала. Пришлось сделать ей уступку – поехать вдвоем, но только за город.

Такая сравнительно затворническая жизнь с пожилым человеком ее не удовлетворяла, и она стала заводить знакомства. На вопросы об ее общественном положении она отвечала, что замужняя, хотя и принуждена временно скрывать это обстоятельство, так как повенчалась при существовании первого брака ее мужа, не ожидая конца тянувшегося еще развода. Лицам, упорно не доверявшим объяснению, она признавалась, что свадьбы действительно еще не было, но она состоится в непродолжительном времени.

О том, что она согласилась бы выйти замуж, она неоднократно говорила своему патрону и всегда получала один и тот же ответ – что он немедленно сделает ей приданое, если она найдет жениха.

Что же касается его самого, то он, по его словам, испытал однажды все прелести супружеской жизни, в другой раз ни за какие блага в мире не станет связывать себя брачными узами.

Но и живя с женщиной, с которой закон не связывал его, скоро он должен был убедиться, что, введя ее в свой дом, он нарушил домашнее спокойствие, так как капризные и невыполнимые требования с ее стороны увеличивались с каждым днем. Его ровный, спокойный характер стал меняться, он заметно похудел и постарел. Конечно, он тщательно старался скрыть от друзей свою невеселую жизнь, домашние дразги, но это было трудно. Своевольная, капризная женщина, не стесняясь ничьим присутствием, постоянно проявляла свой необузданный характер.

Прошло два года, и продолжать ту же жизнь у него не хватало больше сил. Во время одной дружеской беседы с приятелями он откровенно высказался, что давно желает порвать с ней свои отношения и отдаляет развязку только потому, что предвидит неизбежные отчаянные и бурные сцены при разлуке. Друзья решили, что он временно уедет, и без него они объявят ей о его решении.

Он уехал, и на другой же день после его отъезда ей было предложено оставить его дом. Слезы и обмороки не произвели впечатления, и угрозы никого не испугали. Она поняла, что дело проиграно, и вступила в обсуждение предложенных ей условий. После некоторого торга она получила тысячу восемьсот рублей и выдала подписку, что к бывшему своему патрону никакой претензии не имеет.

После происшедшего скандала она не захотела больше оставаться в городе и, купив еще нарядов, поехала блеснуть в родные края. Там часть денег она отдала давно примирившимся с ее положением родителям, а остальные быстро прожила, поселившись на отдельной квартире.

У нее скоро образовался большой круг знакомых среди военной и штатской молодежи. Держала она себя сравнительно скромно и, что называется, знала себе цену. Несколько раз она и покороче познакомилась с юными офицерами, так как ей казалось, что они были влюблены в нее без памяти.

К несчастью, все как-то случалось, что, когда, среди взаимных уверений в любви, среди жарких объятий и ласк, она спрашивала, скоро ли будет свадьба, картина обыкновенно менялась. Ответ был один: никогда... Между тем выйти замуж за человека из общества, за дворянина, стало ее *idée fixe*.

Когда последние средства были прожиты, она обратилась за помощью к своему крестному отцу, но к нему ее не допустили. Тогда она уехала опять искать счастья в тот большой город, где однажды пользовалась уже такими благами. Хотя у нее было лишь несколько рублей в кармане, она не захотела обратиться за помощью к бывшему патрону, отчасти из гордости, а отчасти из сознания, что от него получено уже достаточно и притом так еще недавно.

Она напечатала в газетах объявление о желании поступить бонною к маленьким детям. Тотчас же она приглашена была в дом к семейному офицеру и немедленно туда переселилась. Прошла неделя, ею были довольны.

Однажды к ее хозяину случайно зашел его молодой холостой товарищ и увидел бонну с детьми. Встреча была поразительная. Офицер обратился в стацию, а бонна упала в обморок. Пока товарищ, уйдя с хозяином в другую комнату, объяснялся по поводу неудобства иметь воспитательницей детей такую особу, она, быстро собрав свои пожитки, уезжала на извозчике.

Таким образом, новая попытка приобрести средства к жизни упорным трудом опять не удалась. С этих пор она уже больше и не старалась пробить себе дорогу в этом направлении.

С покорным видом явилась она просить прощения и пристанища к бывшему патрону. Тот принял ее ласково, сказал, что прощать ему нечего – он и не думал на нее сердиться, – пообещал всегда оказывать материальную помощь и объявил, что с этого дня она будет получать от него по пятьдесят рублей в месяц; но в то же время категорически заявил, что жить с нею на одной квартире никогда не будет. Наняв для нее приличную квартиру, он перевез к ней часть своей обстановки и разрешил приходить к нему обедать, когда ей вздумается, хотя бы ежедневно. Вместе с тем ей было указано, что к ней на квартиру патрон приходить не будет, и потому ей предоставлялась полная свобода.

Вдвоем с горничной она жила в отдельном флигеле большого дома. Теперь на досуге она обдумала свое положение и, вполне отдавшись заветной мечте, решила все силы употребить для достижения конечной цели: выхода в замужество. Разыгрывая роль приличной скромной вдовы, она, в неизменном черном платье, ходила на прогулку.

Никто из жильцов дома не мог бы сказать ничего дурного о ее поведении. Если у нее и бывали гости, то исключительно приличная молодежь: офицеры, студенты и гимназисты. В солидных людях она окончательно разочаровалась. Этих господ, приближающихся к сорокалетнему возрасту и переваливших за него, она с презрением называла крайними эгоистами, которые лишь иногда, ради собственного развлечения, позволяют временно любить себя, сами же не способны к истинной любви.

То ли дело молодежь, которая и живет и дышит одной только любовью! Здесь нужно только не зевать и вовремя затянуть сети...

Скоро она наметила – как более подходящих к осуществлению ее плана, ее заветной мечты – двух гимназистов. Оба были соседи. Знакомство было заведено сначала с ближайшим.

Но она скоро увидела, что этот не будет героем ее романа. Когда зашла речь о браке вообще, он категорически высказал, что никогда не женится. Она попробовала было указать на примеры как на доказательство существования счастливых браков; он не стал спорить и сказал, что по этому вопросу у нее сложилось одно мнение, а у него другое и что они во взглядах не сойдутся.

Она махнула рукой и стала искать случая познакомиться с другим соседом, оканчивавшим гимназический курс и жившим в семействе с матерью. При каждой встрече с его младшим братом она ласкала мальчика и называла маленьким другом. Вскоре ей попались навстречу оба брата. Протянув руку младшему, она заговорила и со старшим, стала жаловаться на скуку и предложила поехать кататься верхом. Тот согласился.

После прогулки он зашел к ней, пил чай и просидел долго. Она сразу заметила его уступчивость и мягкость характера. Убедившись через несколько дней в полной его слабыхарактерности, она твердо решила сделать юношу своим законным мужем.

Прежде всего она уверила гимназиста в своей безумной, страстной любви. Она клялась, что целое утро не живет, а прозябает и оживает только при его появлении. А так как она желает жить и побольше пользоваться жизнью, то требует, во имя любви, чтобы он постоянно был около нее. И юноша, подчиняясь ее желанию, все свободное время, все вечера проводил у нее.

Однако иногда он просто уставал от этой страстной любви, от этих поцелуев, от этой хотя и приятной, но все-таки неволи. Он порывался уйти, она не пускала его, становилась на колени, умоляла, плакала, и он оставался.

Однажды вечером он пил у нее чай с двумя товарищами. Когда стали собираться уходить, она решительно объявила, что он остается ночевать; но тот схватил фуражку и убежал.

Тогда она дико вскрикнула и со словами: «Зарежусь!» – схватила со стола нож. Гимназисты испугались, бросились к ней и стали вырывать нож, причем она нечаянно оцарапала себе руку. Бросив нож на пол, она со смехом заявила, что ради такого дурака жизни себя лишать не стоит...

Зная его бесхарактерность, она строго следила за каждым его шагом, требовала отчета о каждой минуте, проведенной без нее, и старательно оберегала его от сближения с другими женщинами. У несчастного были родственницы, к которым она его ревновала.

Однажды вечером он не пришел. На другой день не успел он войти, как она бросилась к нему, впила руками в его плечи и, приблизив искаженное судорогами лицо к его лицу, страшно вращая белками, хрипло спросила:

– Где ты был вчера вечером?

– На катке.

– А родственница твоя там была?

– Да... была.

– А! – дико вскрикнула она и, оттолкнув юношу от себя, упала навзничь на пол.

Он очень перепугался, хотел было приподнять ее и не решился: она вся помертвела и вытянулась. По-видимому, у нее был непритворный обморок.

При помощи горничной он перенес ее на диван, sprysнул водой и, заметив слабое движение руки, стал успокаивать, утешать и уверять, что любит только ее одну.

Она приподнялась и, усадив его рядом с собой, потребовала повторить все, что он сказал, говорила, что жить без него не может, и если только узнает, что он ее разлюбил, – умрет. Обнимая и целуя ее, он горячо стал уверять в своей любви. В словах юноши звучала искренняя нота. Она это почувствовала и решила воспользоваться минутой.

– Слушай: я никому тебя не уступлю! Ты должен на мне жениться!

Он был озадачен.

– Да ведь я еще гимназист. Как же я могу жениться?

– Да не сейчас. Ты окончишь гимназию и поедешь в Петербург. Там, когда будешь студентом, ты на мне и женишься. Тогда это можно, все студенты женятся.

Он молчал. Хотя он был убежден, что любит эту женщину, но мысль о женитьбе никогда к нему не приходила. Заметив, что он поражен неожиданным ее требованием, и не желая дать ему одуматься и проанализировать свое чувство, она горячо стала доказывать свою любовь к нему, стала рисовать картины их будущего счастливого супружества. Кончила она плачем и рыданиями, сквозь которые прорывались упреки, что он ее все-таки не любит.

Как человек мягкого характера, он не мог равнодушно переносить женских слез и, обняв ее, уверял в своей неизменной любви. Она продолжала всхлипывать и успокоилась только тогда, когда он дал слово, что женится. Она захлопала в ладоши, схватила его за руки и стала кружиться с ним по комнате. Расцеловав его крепко, она милостиво разрешила ему пойти на следующий день на каток, обещая прийти и сама.

Явившись на каток, она была неприятно поражена тем, что жених ее катался опять с родственницей, взявшись за руки. Поговорив немного с подошедшими к ней гимназистами, товарищами ее возлюбленного, она позвала их к себе пить чай.

– Довольно кататься! Пойдем! – громко крикнула она в его сторону, и тот, видя ее нахмуренный лоб, покорно побрел за ней.

За чаем были опять слезы, уверения, клятвы. Он должен был повторить перед товарищами обещание жениться.

За покорность ему было дано позволение ходить кататься с родственницей, но каток продолжал служить причиной раздоров, сцен ревности, угроз покончить с собой. Дошло до того, что молодой человек перестал к ней ходить.

Тогда она неожиданно явилась к его родственнице и гневно стала кричать, что никогда не допустит, чтобы он женился на какой-нибудь интриганке, хотя бы она и была его родственницей, что он ей дал слово жениться и женится во что бы ни стало, что она заставит сдержать слово и никому не позволит заманивать его в сети.

Из квартиры пришлось удалить ее силой. Прошел еще день, а юноши все не было. От горничной она узнала, что посещать ее запретила ему мать.

Немедленно она ворвалась в квартиру матери, упала перед ней на колени и с плачем и рыданиями стала умолять простить ее. Она просила только об одном – чтобы мать разрешила сыну посещать ее и любить. Она любит его истинной и страстной любовью и готова на всякие жертвы, а без него она погибнет, умрет, застрелится. Ей не нужно ни брака, ни денег, ничего, кроме одной только любви.

Мать была так же слабохарактерна, как сын, и согласилась позволить ему ходить к возлюбленной.

Выпускные экзамены сданы, аттестат зрелости в кармане, и будущий студент уже в Петербурге. Однако не так легко стать студентом, как это казалось бы с первого взгляда. Не каждый, выдержавший приемный экзамен в высшее учебное заведение, будет в него принят: поступит туда лишь столько, сколько имеется свободных вакансий.

Герой нашего рассказа, пока держал экзамены, писал возлюбленной нежные письма, беспокоился о здоровье, спрашивал, прошел ли бронхит. Затем полетели отчаянные письма, в которых сообщалось, что вакансий мало и что, по всей вероятности, ему не удастся поступить в тот институт, который был избран.

В ответ от нее получилось письмо, рекомендуемое сходить к одному знакомому ее патрона, который может оказать в этом деле существенную помощь. Он сходил и был принят в институт. Тотчас же им было послано длинное благодарственное письмо патрону собственной возлюбленной.

Таким образом связь между ними силой обстоятельств с каждым днем закреплялась все больше.

2

Скоро она приехала в Петербург и поселилась на одной квартире с ним. Первое время они жили дружно, хорошо и весело, пока знакомились с Петербургом и пока занимала новая обстановка. Она получала от патрона ежемесячно пятьдесят рублей, он – не менее семидесяти, кроме добавочных и праздничных. Несмотря на это, у них никогда не было денег. Жили они чисто студенческой жизнью, помещаясь в одной меблированной комнатке, часто питаясь чем бог послал и по вечерам прокучивая деньги в разных садах и ресторанах.

Между собой у них все было общее. Всегда и везде выдавая себя за законную жену, она привыкла к этому названию и требовала, чтобы ее родные и знакомые не иначе адресовали ей письма, как называя ее по фамилии «мужа».

Тем не менее вопрос о свадьбе затягивался. На ее напоминания сначала было объяснено, что студент может жениться только после известной процедуры: он должен выйти из института, жениться, будучи самостоятельным человеком, и опять поступить в институт уже женатым. Если принять во внимание, как трудно было попасть в институт, она должна понять, что проделать все это на первом же курсе рискованно. Потом, когда он перешел на следующий курс, было сказано, что свадьба состоится лишь по окончании полного курса.

Отношения между ними с каждым днем все более обострялись, и совместная жизнь становилась невыносимой. Преследуя единственную цель – выйти за него замуж во что бы ни стало, чувствуя, что южная «красота» ее блекнет, так как покрывшееся веснушками лицо ежедневно напоминало о скором приближении тридцатилетнего возраста, и, сознавая, что начать ловить другого жениха поздно уже, она каждый разговор неизменно сводила к тому, что он должен жениться.

Будучи по природе очень ревнива и опасаясь, чтобы он не увлекся какой-нибудь другой женщиной, она не отставала от него ни на шаг, следила и требовала отчета не только о том, у какого товарища он был, но даже о чем он говорил. Она часто высказывала мысль, что, если бы это было возможно, она посадила бы его под стеклянный колпак и только переставляла бы этот колпак с места на место, не упуская его из вида. Такая неволя не могла быть ему очень приятной.

С другой стороны, его умственный кругозор с каждым днем развивался, взгляды становились шире, его начинали интересовать и наука, и общественные вопросы, а вместе с тем их умственная рознь все увеличивалась, так как ее интересовали только наряды и собственная красота.

Ссоры между ними стали возникать все чаще, пока не перешли в непрерывную домашнюю войну.

На второй год их совместной жизни он получил наследство в пятнадцать тысяч. Едва она узнала об этом, как немедленно потребовала спешить со свадьбой.

Обещая сдержать слово, он просил ее не торопиться и немного обождать. Теперь она еще настойчивее стала следить за каждым его шагом, провожая в институт и стараясь выйти к нему навстречу. Благодаря этому семейная жизнь его стала известной товарищам.

Один из них зашел раз к нему и не застал его дома. Она пригласила его обождать, говоря, что муж должен возвратиться очень скоро, к определенному часу. Гостю она тотчас же сочла необходимым объяснить, что она законная жена его товарища, и затем перешла к своей биографии. По ее словам, она, происходя из татарского княжеского рода, еще шестнадцати лет от роду влюбилась в женатого богача, который развелся с женой и женился на ней; но через три года, по проискам первой жены, брак их был расторгнут.

Заметив недоверчивую улыбку на лице слушателя, который по ее выговору, способу выражения, построению фраз и отсутствию приличных манер догадывался, что перед ним необразованная и невоспитанная женщина, она начала уверять, что постоянно бывала в высшем обществе, пока не влюбилась в его товарища, который ее погубил. Возвысив голос, она стала называть его тираном, грубым мужиком.

Затем неожиданно внезапно упавшим, заискивающим голосом начала просить уговорить товарища поскорее жениться на ней, так как они живут еще вне брака, хотя это обстоятельство и скрывают от всех. На вопрос, не имеет ли она оснований требовать брака, она ответила, что он всем обязан ей. По ее просьбе он принят в число студентов, и в то же время прожил ее громадное состояние, из которого осталось лишь пятнадцать тысяч. Главным же основанием служит то обстоятельство, что она его любит, и поэтому он, если бы и не хотел, обязан на ней жениться.

Не желая впутываться в семейные дразги, товарищ поспешил уйти. Узнав об его посещении, герой нашего рассказа отправился к нему, объяснил свое положение и, ближе сойдясь с ним, стал часто заходить к нему для совместных занятий перед экзаменами.

Успешная сдача экзаменов не противоречила ее видам: чем скорее окончит он курс, тем скорее женится. Поэтому она не противилась этим посещениям, но требовала, чтобы он не слишком долго засиживался с товарищем и не заставлял ее скучать дома одну.

Прождав его иногда часов до одиннадцати вечера и найдя, что он достаточно уже занимался, она входила во двор того дома, где жил товарищ, и начинала кричать: «Коля! Коля! Ступай спать!»

При этом крике он останавливался на полупhrазе, бросал книгу и во избежание скандала убегал домой.

А скандалы случались все чаще и чаще. Ее неотвязчивость, капризы, преследования и требования, слезы и обмороки не могли не оставить глубокого следа и на нервной системе Коли.

Он стал нервничать не хуже ее самой, и поэтому ссоры их часто переходили в драку.

Однажды товарищи засиделись за книгой позже обыкновенного. Услышав обычные крики на дворе, Коля вскочил и быстро ушел. Товарищ, чувствуя некоторое переутомление, вышел вслед за ним прогуляться. Не успел он пройти несколько шагов по улице, как увидел бежавшего без шапки своего друга, за которым с криком гналась она.

Изнемогая от усталости, она остановилась и стала кричать:

– Что вы вдвоем со мной сделали!

Товарищ подошел к ней и, назвав бешеной, пригрозил отвести ее в участок. Видя перед собой решительного человека, она немедленно стихла и ушла домой. Подойдя затем к другу и узнав, что она покушалась ударить его за то, что он поздно засиделся, товарищ, упрекая Колю в малодушии, посоветовал ему быть решительнее, бросить ее и навсегда развязаться с этой дикой, необузданной женщиной.

Тот начал уверять, что боится лишь скандала – как бы она ни обратилась с жалобой к его начальству, и кончил тем, что пошел домой просить у нее прощения.

Но после этого случая, сознавая всю невозможность дальнейшей совместной жизни, он решил наконец искать отдельную квартиру.

Однажды, ожидая его и услышав стук хлопнувшей двери в соседней пустой комнате, она, как фурия, ворвалась туда и увидела незнакомца, нового квартиранта, только что перебравшегося в незанятую комнату.

На предложенный ей вопрос, что ей угодно, она ответила, что ищет мужа, который любил ее до тех пор, пока не прожил ее денег, а теперь изменяет и однажды пробовал уже отделаться от нее при посредстве яда.

Когда соседи через несколько дней познакомились и новый сосед передал Коле о жалобах «жены», он попросил у нее объяснений.

Она рассвирепела и, налетев на соседа, стала кричать, что она никогда не ожидала, чтобы человек, один раз только ее видевший, станет приписывать ей слова, которых она никогда не произносила.

Квартира наконец была найдена, и он, воспользовавшись ее уходом из дома, переехал.

Немедленно она явилась на новую квартиру и, забрав вещи, перевезла их обратно на старую. Противопоставить против ее сильной воли свою он не мог: у него ее было слишком мало.

Он покорно остался.

3

Испытав неожиданное в нем проявление воли, она не на шутку испугалась и нашла, что чересчур медлит, что наступила пора действовать решительнее.

Потребовав у него категорического ответа, женится ли он наконец на ней, и получив ясный отказ, она отправилась к учебному начальству и заявила, что такой-то завлек ее, несчастную девушку, обещая жениться, и теперь, прожив ее состояние, отказывается исполнить обещание. В подтверждение правдивости своих слов она представила одно из нежных его писем, адресованное ей под его фамилией.

Несмотря на данные им объяснения, начальство дало понять, что нет дыма без огня, что ему не следовало так долго жить с ней вдвоем, называть и выдавать ее за свою жену, и дало обещание на случай, если он вздумает жениться, лишь временно исключить его из списков студентов и потом опять принять женатым.

Перспектива брака Коле не улыбалась. Он впал в уныние и наконец написал матери о своем отчаянном положении. Мать немедленно приехала в Петербург.

Войдя в комнату сына и увидев его бледное, измученное лицо, мать сделала замечание, что у него вид нехорош.

– Прекрасный! – вспыхливо крикнула подруга сына.

Мать, молча, гордо подняла голову.

– А! – продолжала подруга. – Вы думаете, может быть, что он будет слушаться вас? Ошибаетесь! Ваш сын принадлежит всецело мне. Мне одной! Захочу, и он бросит учение и уедет со мной за границу. Чего бы я ни захотела, он все для меня сделает. А вы для него теперь ничто!

Сын вскочил.

– Молчать! – крикнул он.

Она взглянула на него и не узнала. На лице видна была решимость. Присутствие матери, в лице которой он видел заступничество и поддержку, его ободрило, и он сознавал, что теперь может проявить и свою волю.

– Так ты мать любишь больше меня! – закричала она. – Не хочу больше жить.

Схватив с этими словами стоявший на столе тяжелый бронзовый подсвечник, она сильно ударила им себя в грудь. Боль еще сильнее разозлила ее, и, размахнувшись еще раз, она ударила подсвечником и любовника.

– Пойдем, мама, искать другую квартиру, – сказал тот. – Этот подсвечник я дарю ей на память о нашем разрыве.

Все это происходило днем, а возвратился он домой поздно вечером. Когда Коля вошел, она сделала вид, что его не замечает.

Они оба молчали. Нервная беготня ее по комнате, раздувающиеся ноздри и ярко горевшие мрачные глаза не предвещали ничего хорошего. Он молча разделся, но не успел еще улечься, как услышал повелительный голос:

– Ступай ко мне!

– Не пойду!

– А! – дико вскрикнула она. – Сейчас брошусь с балкона!

Раскрыв зимнюю раму, она выскочила в одной ночной кофточке на балкон. Он был убежден, что она не рискнет броситься с пятого этажа, но ему стало жалко.

– Простудишься! – крикнул он.

Она не отвечала. Тогда он соскочил с постели и в одном белье выскочил на балкон.

По-видимому, она только этого и ждала и возвратилась в комнату с гордо поднятой головой, вполне убежденная в его любви.

Для нее эта выходка прошла бесследно, он же простудился и заболел тифом. Мать отвезла его в больницу, где просила администрацию и докторов не допускать к нему возлюбленной, если она явится.

Конечно, она явилась. Ее не пустили в палату. Она произвела такой шум, что удалить ее пришлось силой. На следующий день она скромно молча вошла в больницу и незаметно прокралась-таки в палату больного, откуда ее опять удалили силой.

Узнав об этих скандалах, его товарищи явились к ней с просьбой не тревожить больного. В ответ на это послышались нелепые обвинения против него и ругань.

Ей заметили, что, если он действительно такой негодяй, каким она его рисует, его следует давно разлюбить и не думать о нем больше.

– Я его ненавижу! Мне теперь нужна одна только его фамилия. Пусть женится на мне, и тогда может убираться к черту. Я его не отдам никому! Я его убью! Живой или мертвый, но он будет мой и только мой! – дико кричала она.

Когда он стал выздоравливать, товарищи, посещая его в больнице, передали ему об угрозах и посоветовали остерегаться.

– Э, я не боюсь. Она решительна только на словах. Ну а если бы и убила, теперь мне все равно. Она окончательно отравила мне жизнь, мне вовсе не сладко жить! – ответил он.

Выздоровление шло быстрыми шагами. Она упорно добивалась свидания, он расчувствовался от такой настойчивости и принял ее.

Юноша верил, что она его любит, и был убежден, что она живет его интересами. Он поручил ей перезаложить квитанцию государственного банка на сумму около двух тысяч, и она добросовестно исполнила его поручение.

Тем не менее ее вспыльчивость, дикие выходки, капризный характер и вообще сознание, что она ему не под пару, с каждым днем отдаляли его от нее.

Из больницы он к ней не возвратился и нанял другую квартиру. Не будучи в состоянии заставить его силой опять жить вместе с ней, она захватила его бумаги и вещи и не отдавала их посланному. Волей-неволей он явился за ними сам.

Произошла крупная ссора, окончившаяся дракой. Она исцарапала ему лицо, а он разорвал бывшую на ней барашковую шапочку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.